УДК 111.83
ББК Ю 87**Алексей Николаевич Фатенков***доктор философских наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия), e-mail: ksf@fsn.unn.ru***Негативная диалектика: соблазн неидентичности**

Выделяются и специфицируются три версии диалектики: классическая, положительная неклассическая (экзистенциальная), негативная. Критериями их разделения являются: 1) неодинаковое разрешение в их рамках вопроса о соотношении единого и иного, 2) вариативная расстановка приоритетов между тождеством (равенством) и нетождеством (неравенством, различием). Они по-разному соотносят единое и иное, тождество и различие. С позиции положительной неклассической, экзистенциальной диалектики рассматриваются и оцениваются особенности негативной диалектики, представленной главным образом текстами Теодора В. Адорно. Их интерпретация фокусируется на проблеме идентичности / неидентичности человека и мира. Логический финал субъекта негативной диалектики очевиден и безрадостен: деструкция, диссоциация, смерть. Убегание от идентичности, характерное для негативной диалектики, трактуется как соблазн.

Ключевые слова: человек, экзистенциальная диалектика, негативная диалектика, Теодор В. Адорно, идентичность, неидентичность.

Aleksey Nikolaevich Fatenkov*Doctor of Philosophy,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: ksf@fsn.unn.ru***Negative Dialectics: Temptation of Nonidentity**

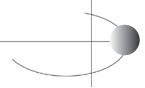
Three versions of dialectics are being marked and specified: classical, positive non-classical (existential), and negative. The criteria of dialectic divisions are: 1) Different solution for the issue of the relationship between the one and the other, 2) Variation prioritization between equality and inequality. They differently correlate the one and the other, equality and inequality. Features of negative dialectics represented mainly by texts of Theodor W. Adorno are considered and estimated from the standpoint of positive non-classical existential dialectics. Their interpretation focuses on the problem of identity/nonidentity of the man and the world. Logical ending of negative dialectics subject is obvious and joyless: destruction, disassociation, and death. Runaway from identity which is typical for negative dialectics is treated as temptation.

Keywords: man, existential dialectics, negative dialectics, Theodor W. Adorno, identity, nonidentity.

Диалектика: классическая, экзистенциальная, негативная

Диалектика есть философское учение о развитии. Развиваться способна только та реальность, внутренние причины существования которой превалируют над причинами внешними. В противном случае корректно вести речь лишь о процессе изменения: более широком, но менее глубоком и содержательном. Развивается субстанция, но не субстрат; субъект (как самостоятельная инстанция), но не объект (как производная субъекта). Уже поэтому диалектика может быть только субъектной, но не объектной, даже если иметь в виду динамику среды обитания человека. О развитии природы и общества корректно го-

ворить, только рассматривая их субъектами, вернее, сторонами субъекта-универсума. Диалектика субъектна, разумеется, ещё и потому, что мыслить, по крайней мере диалектически мыслить, способен исключительно субъект, но никак не объект. Мысль предстаёт нематериальным, интеллигибельным объектом, когда оказывается лишь голым результатом движения души, эпифеноменом стерильного умствования, когда оформленный смысл оторван, отчуждён от своих бытийных психосоматических оснований. Отвлечённое понятие, засевшее в индивидуальное или коллективное сознание, столь же гетерономно по отношению к человеку, как и подавляющее число окружающих его тел и вещей. Диа-

лектический взгляд на мир не вписывается в субъект-объектную онтологию и гносеологию, преодолевая их либо деструктивно, объективированием или разрушением субъекта, либо конструктивно, переходом к субъект-субъектной парадигме. Параллельно, так или иначе, преодолевается оппозиция объективной и субъективной диалектики.

В своих структурных притязаниях философия развития, не удовлетворяясь бинарными формами, апеллирует к более сложным, как минимум триадическим, базовым композициям. Не отказываясь вовсе от дуальных логических схем, используя их в качестве вспомогательных, выделим в диалектических воззрениях парные вариации: классическую и неклассическую, положительную и отрицательную (негативную). Сосредоточив внимание на трёх: классической, неклассической, негативной, – подчеркнём неоднозначный характер взаимоотношений между ними. В одном контексте классическая и неклассическая версии есть виды диалектического рода, а негативная диалектика есть подвид неклассической. Две последние тут заведомо ближе друг к другу, чем каждая из них к классическому образцу. В другом контексте положительная сущность классического варианта и положительная ипостась неклассического варианта предопределяют их сближение и солидарное отдаление от негативно-диалектической матрицы. Обнаруживается и третий контекст, когда положительная неклассическая диалектика одинаково возвышается над инвариантно положительной классической и отрицательной неклассической.

Первый критерий разграничения интересующих нас диалектических вариаций – неодинаковое разрешение в их рамках вопроса о соотношении *единого* и *иного* (многого, многообразного, множественного). Поле классической диалектики ограничено с одного фланга позицией «единое онтологически больше многообразного», с другого – позицией «единое в конце концов не больше и не меньше многообразного». Поле неклассической диалектики простирается от рубежа «единое в конце концов не больше и не меньше многообразного, но может быть и бывает как больше, так и меньше его», до рубежа «единое онтологически меньше многообразного». Последняя установка является необходимым, но не достаточным ещё, признаком негативной диалектики.

Второй критерий членения диалектики – вариативная расстановка приоритетов между *тождеством* (равенством) и *нетождеством* (неравенством, различием). Классическая

диалектика, как и всякое классическое мышление, отдаёт предпочтение принципу тождества. Единое равно единому, многое – многому. Единое, как одна единица, не только равно, но и тождественно самому себе. Многое, как несколько единиц, только равно, но не тождественно себе, т. к. не тождественны друг другу его единицы. Неклассическая диалектика начинает с того, что ставит тождество и равенство в зависимость от иерархии: тождество (равенство) есть иерархия нулевого порядка; а заканчивает (может закончить) – на негативный манер – постановкой тождества (равенства) в зависимость от различия, которое исключает иерархию.

Итак, искомые формулы:

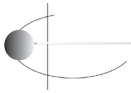
– в *классической* диалектике *единое бытийно больше многообразного или равно ему; тождество реальнее и ценнее различия;*

– в *положительной неклассической* диалектике *единое онтологически и больше, и меньше многообразного; иерархия реальнее и ценнее тождества;*

– в *негативной* диалектике *множественное бытийно больше единого; различие реальнее и ценнее как тождества, так и иерархии.*

Логический финал субъекта негативной диалектики очевиден и безрадостен: деструкция, диссоциация, смерть. Резонно поэтому под тем или иным предлогом игнорировать финишную черту, маскировать её, растягивать до бесконечности. Благо, что диалектическую мысль всегда интересует не только результат, но и движение, путь к нему. Жизненный путь, обрамлённый итогом, зовётся судьбой. В этой координатной сетке *субъект негативной диалектики опознаётся как невозвращенец*. Он не способен и не желает возвращаться ни к своим истокам, ни к самому себе. Понятно, почему. Отказ от начала есть паллиативная попытка избежать конца. Страх завершённости, последнего рубежа накрывает все предшествующие вехи и рубежи существования, когда, пусть на короткое время, субъект становится и остаётся равным самому себе. Возвращаться ни к чему и не к чему, что вытекает, впрочем, уже из постулируемого приоритета различного, всякий раз другого.

Положительная диалектика, классическая и неклассическая, не чурается радости начала, каким бы тяжёлым то ни было, и не скрывает печали конца, каким бы лёгким тот ни оказался. Она культивирует идею возвращения: к априорной эссенциальной полноте (при главенстве принципа тождества), к до-

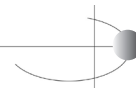
стигнутой некогда экзистенциальной вершине (при главенстве принципа иерархии). В первом сценарии акцентируется возвращение равного, того же самого; во втором – возвращение неравного, избирательного. Тем самым «классика» боится себя от регресса, тенденциозного движения по нисходящей, но не предотвращает уравнивания возвращения с банальным повтором. В «неклассике» иная ситуация: как тождество (равенство) есть частный случай иерархии, так и возможный повтор – всего лишь частный случай возвращения неравного, что не исключает регрессивного итога. Гарантий прогресса, безграничного восходящего движения ни одна диалектическая философия дать не в состоянии. Классическая диалектика, табуируя срыв, ограничивает себя если не гераклитовским циклом, то поворотом с выходом на плато. Там в состоянии подвижного равновесия пребывает, например, государство, вооружённое Кодексом Наполеона и абсолютным идеализмом Г. В. Ф. Гегеля, и общество, воплотившее на практике Коммунистический манифест. Стратегические прогрессистские декларации недиалектичны: метафизически-идеологичны или метафизически-утопичны. И не потому, что торопятся или опаздывают с установлением границ прогрессивной стадии развития, а потому, что иницируют, провоцируют пафос безграничности.

Начинание и завершение – моменты *исхода*. Они образуют круг, в котором *вращается* субъект, двигаясь – по жизни – от начального рубежа через значимые вехи к рубежу конечному и *возвращаясь* – в своём опыте, внутреннем и внешнем, – к узловым точкам существования: от инобытия к бытию, от неподлинного к подлинному. Нет исхода, когда отсутствует, утрачивается хотя бы один из крайних рубежей, когда рвётся связь между ними: начало не перетекает в конец, а тот не оборачивается вновь началом. Человек живёт на перепутье и философствует разнонаправленно: *безотносительно к безысходности* своего существования – в горизонте вечности (классическая, эссенциальная диалектика); *вопреки безысходности* (положительная неклассическая, экзистенциальная диалектика); *благодаря безысходности* (негативная, феноменальная диалектика).

Мыслить «вопреки» означает признание конца, который никогда не станет новым началом. Наличие последнего рубежа подтверждает ценность всех предыдущих и положительную ценность некоторых, во всяком случае начального. О горести рождения гово-

рит бредущий к нирване, о первородном грехе – соблазненный вечными радостями или удрученный вечными муками. Наперекор подобным умонастроениям экзистенциальная диалектика отыскивает и достраивает основание для ответственного суждения в защиту потустороннего, дистанцируясь от безвольно-безразличных констатаций и беспросветно-ядовитой критики. *Мыслить «благодаря»* предполагает соглашательскую уловку, вуалирующую пределы развития. Они, дескать, парализуют ум, профанируют положительные и нейтральные высказывания, оставляя место лишь перманентному отрицанию. Безоглядно критическая теория подспудно отрицает, девальвирует саму себя. Её приверженцы изрекают, что после чудовищных жертвоприношений XX века философия кощунственна – и продолжают философствовать. Факт остаётся фактом: за две с половиной тысячи лет истории философии не случилось катаклизма, который бы её прекратил. Ни стихийные, ни рукотворные бедствия не остановили пока рождение новых поколений людей. И это справедливо: жизнь берёт своё. Отсюда максима: *пережитое должно помнить, незабываемое – понять, за понятое – держать ответ; ненамеренно забытое облегчит твою долю.*

Три очерченные диалектические позиции в историческом контексте выступают в качестве идеальных типов, базовых концептуальных каркасов, которые трансформируются и налагаются друг на друга в творчестве конкретных философов. Скажем, в классической диалектике Гераклита допускается зазор, т. е. неравенство, между мыслью и выражающим её словом, а в классической диалектике Платона – эйдетическое неравенство между единым и иным. Однако ещё важнее заявить о том, что диалектическое мышление, будучи аутентично философским мышлением, даже в классическом своём варианте методологически и стилистически не может быть сугубо классическим. Последнее, запрещая всякий выход за рамки принципа тождества, позволяет нам истинным образом описать лишь статичную, мумифицированную реальность. Дискурс Парменида и Аристотеля в большей степени отвечает нормам классицизма, но менее философичен, нежели дискурс Гераклита и Платона: учение элейца есть философская репрезентация канона древней мудрости, учение Стагирита – философский анонс парадигмы нововременной науки. Изменение и развитие сущностно связаны с нарушением (временным, регулярным, постоянным) тож-

дства и равенства. Подчиняя равное себе существе канону *подвижной иерархии*, положительная неклассическая диалектика формально и содержательно оказывается сильнее классической. Жизненно сильнее она и отрицательной неклассической. Личностная, экзистенциальная установка на сопротивление распаду, убежденность в реальности и ценности иерархической пластики бытия, подозрительное отношение к проектам тотальной дифференциации и культу непомерной множественности определяют в целом, но не огульно, критическое восприятие негативно-диалектической линии в философии.

Разотождествление мира и человека

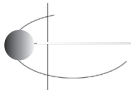
Жизнь, привычно опознаваемая людьми через её уравнивание с самой собой или с нашими представлениями о ней, в зеркале негативно-диалектической критики видится уродливо лживой, циничной. На ком лежит ответственность за столь непривлекательный образ: на материале оригинала, на его конформистском приятии, наоборот, на нонконформистском отрицании данности? Неизменно однозначный ответ здесь затруднителен, чреват необоснованным упрощением ситуации.

Т. Адорно оперирует двумя объяснениями: *плохи человеческие качества* (безотносительно к способу их стыковки или синтеза), *неудовлетворительна композиция качеств* (вне зависимости от их исходного содержания). Апелляция к качествам фиксирует приоритет множественного и поддерживает объективистский строй мысли. Качества могут пассивно наследоваться и беспрепятственно формироваться внешней средой. Ни за одно из них в отдельности ни природа, ни общество ответственности не несут. Россыпь качеств – сублимированных и гипостазированных – всегда существует в наборе, где они дополняют, оттеняют, нейтрализуют друг друга. «Без глупых не было бы умных, / оазисов – без Каракумов» (А. Вознесенский). Разумеется, встречаются комплекты разного состава, разной степени полноты, на что опять же могут найтись объективные причины. Не за каждое приобретение ответственен и человек. Но не за их уникальную комбинацию. Так, при соблюдении объективистских и плюралистических приличий субъективные решения и действия индивидуума легитимно становятся и остаются предметом критики. Недовольство комбинацией качеств позволяет, не снимая подозрений с человека, обвинять природу и общество – и тем резче, чем ординарнее встреченная композиция.

Высветим некоторые штрихи, характерные пятна дважды комиссуемой картины мира: франкфуртский негатив рассмотрим с экзистенциальным пристрастием. Но вначале уточним рабочие понятия. *Идентификация* есть ответственное уравнивание одного с другим или с самим собой. *Идентичность* есть актуальный или потенциальный результат, итоговое или промежуточное состояние процесса идентификации. Предъявляя претензии к идентичности, субъект обязан переадресовать их самому себе, волен – окружающему иному.

На взгляд Т. Адорно, в настоящее время идентичность всякого сущего, в частности, «чистая идентичность отдельного человека с самим собой... уже более недостижима» [3, с. 20]. О её реальности в прошлом и в будущем напрямую не говорится: исходные постулаты безначалия и непредрежденности позволяют использовать тут фигуру умолчания. Возможность идентичности, в принципе, не отвергается. Но только – идентичности без идентификации, как и возможность тождества без отождествления, равенства без уравнивания. Истинная идентичность ожидается лишь у единственного, неповторяющегося и нетиражируемого; только редкое её заслуживает. Философию, особенно неклассическую, волнует вопрос: существует ли в действительности уникальное, и если существует, то способен ли субъект, человек надёжно распознать его? Негативной диалектике, отвергающей непосредственность и порицающей интериоризацию, почти невозможно ответить здесь утвердительно. Разве что звать к чуду, к эксклюзивно рефлектируемой иррациональности – но без погружения в неё, не на экзистенциалистский лад. Идентичность вследствие идентификации заведомо полагается неистинной, требующей разоблачения, как и фиктивное, мнимое просвещенческое расколдовывание мира. Тенденциозно критическая теория становится на путь радикального разотождествления сущего: природы, общества, человека... И самой себя? – спросит придирчивый оппонент. – Обречённо, чтобы ценой саморазрушения оттенить ценность материальной среды и деятельности? Или самонадеянно, бравлируя тем, что исключительность экстремальной критики как раз и защищает её от распада? Ничего не скажешь, конформистски удобная неопределённость, двойственность, неуязвимая в сфере чистого разума, – однако зыбкая в сфере практического, волящего разума.

Решительно ограничив предмет адорновской критики – отвергая не только тоталь-

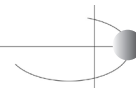
ность утверждений (вслед за франкфуртским философом), но и тотальность отрицаний, – развернём её навстречу экзистенциальному восприятию мира. В яркости она ничего не потеряет, в реалистичности – немало приобретёт.

Вот человек. Или некто, похожий на него. Сразу не разберёшь. Как не отличишь с ходу посетителя от манекена модного бутика. Т. Адорно настаивает: «если бы из современных качеств человека была выведена человеческая сущность, это саботировало бы саму возможность её существования» [2, с. 116]. Неужели? Вряд ли наши качества настолько дурны. Иначе Природа или Бог давно уже оборвали бы порочную нить, прекратили историю людей. Если нас терпят, значит, мы не так плохи. Если нас намеренно или ненамеренно заставляют воспроизводить и усугублять собственную скверну, мы не хуже тех, кто попустительствует этому. Непотребство человека по причине его господства над Природой и равенства с Богом невозможно в силу невозможности такого господства и подобного равенства. Испорченность от глупого самомнения – от пренебрежения порождающим субъектом и панибратства с субъектом творящим – людям, конечно, грозит. И тут неомарксистская аргументация весома. Иллюзия власти человека над средой обитания оборачивается конфузом, карикатурой. «Субъективный дух, ликвидирующий одушевлённость природы, овладевает омертвлённой природой только тем, что имитирует её косность и ликвидирует самого себя в качестве анимистического [5, с. 78]. Совершенно верно. Без дополнительных комментариев. Они потребуются чуть позже, вместе с реакцией на рядоположенное суждение теоретиков. «Самоунижением человека до состояния *согрус'a* природа мстит за то, что она была унижена человеком до состояния объекта господства, до состояния сырья» [5, с. 283]. Пожалуй, с мщением здесь перебор. Скорее, биосфера выказывает безразличие к судьбе выскочки. В цитируемой ремарке проглядывает квазирелигиозная интеллектуалистская неприязнь к натуральному, не моделированному *physis'u*. На природные взаимосвязи социологизаторски переносятся черты общественных отношений, производится культуралистская инкрустация естественного. В результате выстраивается корреляция между перманентностью социального принуждения, гегемонистским круговоротом понятийного мышления и фатальной повторяемостью природных процессов. Корреляция эффективна, но

пронизана безысходностью. Получается, что не только экзистенциальные, но и социальные проблемы неразрешимы без кардинальных природно-космических пертурбаций или преобразований. Даже социальная идентичность человека, констатация его общественной сущности является некорректной.

Экзистенциалист, разумеется, согласится с тем, что социальная версия идентичности человека либо неполна, либо неистинна; что в опосредованно-отчуждённой общественной жизни она замещается ещё более сомнительными – идеологическими – муляжами. Применительно к ним вполне уместен разоблачительный пафос Т. Адорно. Идеология действительно схожа с замазкой в ложном тождестве субъекта и объекта. Умасленный ею объект льстиво-цинично приравнивается к фигуре субъекта. До собственно социальной сущности человека путь и тут неизмеримо далёк. «Всё, что сегодня называется коммуникацией, – всё без исключения есть просто шум, скрывающий глухоту тех несчастных, кто... обречён на проклятие» [2, с. 310]. Доминирующий ныне в обществе и порой довольный собою *Номо есопотісис* «стоит ровно столько, сколько он зарабатывает», и «зарабатывает ровно столько, чего он стоит» [5, с. 259]. Экономическая система, жаждущая прибыли, вырабатывает и держится шаблона мнимой эквивалентности, который призван маскировать эксплуатацию, лежащую в основе накапливаемой прибавочной стоимости. Корыстная процедура отождествления «имеет в обмене свою общественную модель; без этой модели принципа тождества не существовало бы; с его помощью нетождественные единичные сущности и достижения становятся исчислимыми, соизмеримыми, тождественными. <...> Эквивалентный обмен с древнейших времён состоит в том, что под видом эквивалентного обменивается то, что не равно и не эквивалентно; в этом обмене присваивается прибавочная стоимость труда» [2, с. 195]. Обмен, будь он экономическим, социальным, житейским (вспомним повесть Ю. В. Трифонова), координирован культурой с жертвоприношением. Он «является секуляризацией жертвы» – она «оказывается уже чем-то вроде магической схемы рационального обмена, неким мероприятием человека, имеющим своей целью порабощение богов, которые ниспровергаются именно системой выказываемых им почестей» [5, с. 68].

Социальная, как и всякая внешняя идентификация человека, соотношение и уравни-

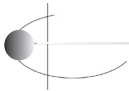
вание его с кем-то или чем-то иным, отличным от него самого (культурным, природным, тварным, божественным), заведомо обречена на неудачу. К определению себя через иное мы прибегаем потому, что не способны содержательно определить себя через себя: поначалу (тезис экзистенциальной диалектики), никогда (тезис негативной диалектики). Экзистенциальный диалектик надеется на самоидентификацию человека, возвращающегося к себе. Негативный диалектик, третируя идею возвращения, обрекает человека на невозможность самоидентификации. Справедлива и обратная координация: отрицание возможности человеческого самоопределения детерминирует отрицание ценности возвращения.

Идентификация всякого сущего предполагает связывание воедино его отдельных черт. И даже если все они сами по себе не дурны, то в связанном состоянии им действительно грозят изменения и, не исключено, к худшему. Негативная диалектика ничего другого и не ожидает: «...идентичность духа и её корреляты, единство природы, есть то, жертвой чего становится полнота качеств» [5, с. 23]. Идентичность есть связанность (в форме единого или целого) или слепок с неё. Т. Адорно недоволен онтологическим целым: оно покрывает прогрессирующую раздробленность бессильных элементов [1, с. 159]. Упрёк обоснован и, в общем, традиционен. Ведь ещё в платоновском «Пармениде» целое понимается безусловно большим любой своей части и любой совокупности своих частей. Единое, в отличие от целого, не больше и не меньше каждого своего фрагмента. Франкфуртский философ робко апеллирует к такой структуре: «...подлинное единство на самом деле представляет собой примирение со многим, а не является некой идентичностью, утверждающей себя в том, что она подавляет всё, на что распространяется» [3, с. 67]. Установка на примирение весьма расплывчата и шатка. Что конкретно скрывается за ней: подчинение единого множественному, уравнивание с ним, индифферентное различие между ними? Экзистенциальная диалектика, с опорой на канон подвижной иерархии, уточняет платоновскую мысль: единое может быть и бывает как больше, так и меньше многообразного. В философско-антропологическом ракурсе получаем реалистичную и обнадеживающую картину. Сопряжение человеческих качеств (в индивидуе, виде, роде) не обязательно ведёт к их умалению, напротив, отдельные качества могут прибавить и

прибавляют в содержательной полноте. То или иное качество способно адекватно репрезентировать человеческую сущность как таковую. Экзистенциальная – стратегически важная – идентичность индивидуума в некоторых обстоятельствах уходит в тень, уступая авансцену социальной, культурной, природной идентичности. Иногда мне важно, не привлекая внимания к себе, поступить по-мужски, по-русски, интеллигентно. Не исключено, впрочем, что именно тогда экзистенциальное начало скромно берёт верх над всем иным. Негативная диалектика, не приемля уравнивания и опасаясь ранжирования, неизбежно склоняется к абстрактному различию единого и множественного, к размыванию границ идентично единого, оставаясь рядом с экзистенциализмом только в критике идентично целого.

Т. Адорно внимателен к огрехам внутренней, собственно антропной идентификации человека. Казалось бы, достигнутая, она делает нас хозяевами судьбы. Неомарксисты, однако, возражают: «господство человека над самим собой, учреждающее его самость, виртуально есть во всех случаях уничтожение того субъекта, во имя которого оно осуществляется» [5, с. 75]. В принципе, верное замечание. Иметь не означает быть. Власть над собой оборачивается нераспознанной формой эксплуатации. Необходимо противоядие. Но не франкфуртской рецептуры. Не отказ от идентификации и не разотождествление человека. Иначе не избежать распада или его имитации, подчинение которой, как и всякой иллюзии и химере, кратно пагубнее, нежели уступка грубой силе. И немецкий философ знает об этом, обоснованно констатируя, например, что иллюзорное самостоятельное бытие институтов, являющееся зеркальным отражением окаменевших человеческих отношений, обладает реальной властью над людьми. Так зачем заигрывать с шизофренией, рационально-спиритически вызывать её дух? Надёжнее, жизненно основательнее, думается, ограничивать интенцию напряжённого господства над собой лёгким мотивом самоиронии и неупущенными мгновениями душевного покоя и умиротворения. Для критических теоретиков, с чрезмерным подозрением озирающих мир и чересчур серьёзно воспринимающих себя, обрисованный путь, понятно, закрыт.

Т. Адорно прав, не доверяя гуманизму. Весьма вероятно, «гуманное, в конечном счёте, и есть что-то нечеловеческое, это способность дистанцироваться, “снимать”, пре-

одолевать себя в созерцании...» [2, с. 324]. Сторонний взгляд на себя, на индивидуальную или родовую сущность объективирует, опрошает наблюдаемую субъективность, неоправданно то приукрашивая, то пороча её. В переключке с немецким интеллектуалом поддерживаю его. Я не гуманист и к людям отношусь по-человечески: кого-то люблю, кого-то ненавижу, к кому-то испытываю равнодушие [подробнее см.: 4]. Т. Адорно несомненно прав и в развенчании антигуманной тенденции, высвечивая порой удивительные её стороны и моменты. Эпатирует и настораживает, правда, вердикт: «человек – идеологема дегуманизации» [1, с. 69]. Окажись на месте подлежащего «гуманист», а тем более «филантроп», спорить было бы не о чем. Но за человека обидно. Пусть даже он понятийно обструган. Оппонент, однако, настаивает и предостерегает: «возвышение человека в понятии бессильно против его действительного низведения до набора функций» [1, с. 78–79]. Естественно, между мыслью и её предметом, между понятием (той или иной степени отвлечённости) и его денотатом (эмпирически и исторически конкретным) всегда наличествует содержательное несовпадение. Хотя понятийно, хоть метафорически схватывая предмет, мы не распахиваем его настезь. Но

за приоткрытое нами несём ответственность. Этого приоткрывшегося, как правило, много меньше в сравнении с оставшимся потаённым, некоторая доля которого намеренно опять же оставляется нами таковой. Суть не в количестве смысловых единиц – присвоенных, обнародованных, припрятанных, – а в сопричастности смыслу. Поэтому и возникает ощутимая неудовлетворённость позицией франкфуртского философа. Он считает: мы, дескать, «можем... не знать, что такое человек, человеческое или гуманность, но что такое нечеловеческое мы знаем слишком хорошо»; следовательно, место философии сегодня «определяется скорее конкретным отрицанием всего нечеловеческого, нежели попытками логически абстрактного определения человеческого бытия» [3, с. 201]. Не стоит вводить в заблуждение других и обманывать себя. Мы достаточно осведомлены о человеке и человечности – чтобы где-то гордиться собой, где-то стыдиться себя. И сторожить подстерегающие нас соблазны. Не умиляться абстракциями, не воспарять в интеллигибельном пафосе. Тут рекомендации Т. Адорно резонны. Чего, вроде бы, проще, «...быть совестливым, не апеллируя при этом то и дело к совести» [3, с. 194].

Список литературы

1. Адорно Теодор В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / пер. с нем. Е. В. Борисов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. 191 с.
2. Адорно Т. В. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
3. Адорно Теодор В. Проблемы философии морали / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Республика, 2000. 239 с.
4. Фатенков А. Н. Идиллия гуманизма и реалии человечности // Человек. 2009. № 4. С. 32–47.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.-СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 311 с.

References

1. Adorno Teodor V. Zhargon podlinnosti. O nemetskoy ideologii / per. s nem. Ye. V. Borisov. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2011. 191 s.
2. Adorno T. V. Negativnaya dialektika / per. s nem. Ye. L. Petrenko. M.: Nauchny mir, 2003. 374 s.
3. Adorno Teodor V. Problemy filosofii morali / per. s nem. M. L. Khorkova. M.: Respublika, 2000. 239 s.
4. Fatenkov A. N. Idilliya gumanizma i realii chelovechnosti // Chelovek. 2009. № 4. S. 32–47.
5. Khorkkhaymer M., Adorno T. V. Dialektika prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty / per. s nem. M. Kuznetsova. M.-SPb.: Medium, Yuventa, 1997. 311 s.

Статья поступила в редакцию 8 марта 2013 г.